

АСИММЕТРИЧНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ СЛОВАЦКОГО И ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В XX ВЕКЕ

Классическая теория языковых контактов, начиная с фундаментальной книги У. Вайнрайха «Языковые контакты» [Weinreich 1953], исходит из того, что их последствием является интерференция языковых элементов, реализующаяся с разной степенью интенсивности в речи индивидов либо при повторении явления разными индивидами переходящая на уровень языка. В результате возникает конвергенция языков, которая может быть как односторонней, так и обоюдной. Следующей ступенью при тесном одностороннем перманентном контакте языков является глубокое воздействие доминирующего языка на принимающий, в результате которого может происходить языковой сдвиг. Однако, как показывает изучение изменений словацкого и чешского литературных языков в XX в., это происходит не всегда. Усиление языкового контакта помимо явлений конвергентного характера может сопровождаться ярко выраженной дивергенцией языков, охватывающей иные грамматические формы и пласты лексики, которые ранее могли находиться в стабильном состоянии.

Хорошо известно, что чешский и словацкий языки в течение многих веков находились в контактном континууме. Не прекратилось их взаимодействие и в XX в. Напротив, в этот период оно еще более усилилось, так как первоначально внешний языковой контакт вследствие создания в 1918 г. общего государства чехов и словаков превратился во внутренний. Многочисленные конвергентные явления как результат тесного контактирования названных языков действительно имели место, что демонстрирует целый ряд работ, посвященных конвергенции этих языков, однако они реализовались главным образом на уровне конкретных форм и лексем. Одновременно с ними, однако, действовала ярко выраженная тенденция к дивергенции этих литературных языков, распространявшаяся в том числе и на системный уровень, что позволяет считать ее доминирующей. При этом активным участником дивергентного процесса выступал словацкий литературный язык,

поскольку именно в нем происходили изменения дивергентного характера, тогда как в чешском литературном языке сохранялось исконное состояние. Такой тип изменения соотношения языков можно назвать асимметричной дивергенцией. Иными словами, в словацком литературном языке, испытывавшем сильное влияние чешского литературного языка, происходили сдвиги целых фрагментов языковой системы, которые ранее находились в относительно устойчивом состоянии. Данное явление было реакцией принимающего языка на интенсивные конвергентные процессы, и эта реакция могла быть как целенаправленной, исходящей от кодификаторов и закрепленной в кодификационных пособиях, так и стихийной, реализующейся первоначально на практике вопреки кодификации, а затем уже находившей отражение в кодификационных трудах. Заметим, однако, что сами языковые контакты еще не являются достаточным условием возникновения дивергентных процессов в контактирующих языках. Эти языки должны быть близкородственными, имеющими общие фрагменты на разных языковых уровнях, причем один из них должен быть очевидно доминирующим. Кроме того, важно то, каким образом эти литературные языки формировались. Как известно, чешский язык проник в Словакию еще в XIV в. и стал использоваться там в качестве литературного языка. Постепенно, однако, он начинает взаимодействовать с юго-западными словацкими говорами, меняя свою структуру. Первоначально эти процессы затрагивают фонетический уровень языка, а затем распространяются на морфологический, тогда как лексический уровень ими был затронут довольно слабо. После кодификации словацкого литературного языка Л. Штуром тенденция его развития меняется на противоположную и он вновь начинает сближаться с чешским [Лифанов 2015]. Дивергентные тенденции снова набирают интенсивность после кодификации С. Цамбела и особенно в первые два десятилетия существования Чехословакии. Центром тяжести изменений опять оказывается грамматика и прежде всего морфология, а также словообразование и лексический состав.

На морфологическом уровне осуществились процессы, приведшие к изменениям системного характера и реализовавшиеся в морфологии разных частей речи. Рассмотрим наиболее значительные из них.

1. Утрата деепричастий прошедшего времени

Ч. *začav* (м. р. ед. ч.), *začavši* (ж. и ср. ед. ч.), *začavše* (мн. ч.)

С. *začav*, *začavši*, *začavše* → *začavši* → #

Деепричастия прошедшего времени функционировали в словацком литературном языке до кодификации Л. Штура (1844–46 гг.) и, как и в чешском литературном языке, их формы в кодификации А. Берно-

лака (1787 г.) различались по родам и числам. В реальной же практике наблюдалось смешение этих форм [Лифанов 2005а]. Л. Штур выводит деепричастия прошедшего времени из словацкого литературного языка, однако предпосылки их возврата наблюдаются уже в «Краткой словацкой грамматике» 1852 г. [Krátka 1852]. Ее автор М. Гаттала хотя прямо и не кодифицирует названные формы, однако описывает их образование в чешском языке. В парадигмах формы деепричастий прошедшего времени приводятся, как правило, в скобках, хотя это формы другого языка. В грамматике словацкого языка Ф. Мраза, опубликованной в 1864 г., образование форм деепричастий прошедшего времени излагается уже без какого-либо упоминания о чешском языке [Czambel 1919: 88], и рассматриваемые формы действительно начинают употребляться в словацком литературном языке:

Sotva že sa navrátili poslovia... *podeliv* vojsko na trojo, hned... *vrhnu*l do Korutanska [Sas: 27] («Едва послы возвратились, он, разделив войско на три части, сразу вторгся в Хорутанию»); Posol Ondrejov, *dohonivši* ho, ponúkal ho smlúvou [Sas: 37] («Посол Андрея, догнав его, предлагал ему договор»); Tak Ondrej... *pripojiv sa* k Ježišovi... *pravil* k nemu [KN89: 2] («Так Андрей... присоединившись к Иисусу... обратился к нему»); Keď Gréci, *vytrhnuvše* z mesta, hrozili vyhrobením kostí tohože Abu Ejuba, k prekazeniu toho vyzýval Jarid, vodca vojska [KN89: 62] («Когда греки, вырвавшись из города, грозились вытащить из могилы кости этого Абу Эюба, Ярид, военачальник, призывал воспрепятствовать этому»).

Более того, С. Цамбел, автор авторитетной грамматики начала XX в., выполнявшей долгие годы функцию кодификации словацкого литературного языка, всячески поддерживал употребление деепричастий прошедшего времени, отмечая лишь то, что по аналогии с деепричастиями настоящего времени следует употреблять лишь одну неизменяемую форму исконно женского рода, чему следовал сам: *Oddelivši sa* literárne od Čechov, na základe historického práva môžeme si v slovníku zachovať koľko sa nám ľúbi [Czambel 1903: 222] («Отделившись от чехов в литературном отношении, мы на основе исторического права можем оставить в словаре столько (слов чешского происхождения — К. Л.), сколько захотим»).

Словацкие грамматисты Я. Дамборский, Я. Мигал, Й. Орловский — А. Арани и позже включали аналогичные формы в грамматику словацкого языка, вышедшие в 1930-е–1940-е годы [Isačenko 1951–52: 7], и даже лидер словацкого пуризма Г. Бартек в «Правилах словацкого правописания» 1940 г. приводит примеры, содержащие эти деепричастия: *Dieťa poplakavši si* zaspalo [Pravidlá 1940: 115] («Ребенок, поплакав, уснул»). Вопреки усилиям кодификаторов, однако, деепричастия прошедшего времени утрачиваются словацким литератур-

ным языком. Этот процесс в том же 1940 г. отмечал Я. Жиго, который называл деепричастия типа *zavolavši* «позвав», *prosivši* «просив» архаизмами, «мертвыми формами» [Ružička 1956: 282]. Наконец, в 1950 г. Б. Летц в своей грамматике выводит эти формы из словацкого литературного языка [Ondrus 1964: 144], что официально подтверждается в «Правилах словацкого правописания» 1953 г. [Pravidlá 1953].

В чешском же литературном языке деепричастия прошедшего времени сохранились до настоящего времени.

2. Утрата кратких страдательных причастий

Ч. *udělán, udělána, uděláno, uděláni, udělány, udělána*

С. *uroben, urobena, urobeno, urobeni, urobeny* → *urobeno* → #

Иначе сложилась судьба кратких страдательных причастий, употреблявшихся в предикативной функции. Эти формы также не были кодифицированы Л. Штуром. Не были они введены в словацкий литературный язык и в более поздних грамматиках. Тем не менее они употреблялись в текстах второй половины XIX в., однако преимущественно в форме среднего рода, причем как в двусоставных, так и в односоставных предложениях. Ср. примеры из труда Ф. В. Сасинка:

Týmto spôsobom r. 1009 *utvoreno bolo* terazšie *kráľovstvo* Uhorské pod kráľami z krvi *árpádskej* [Sas: 4] («Так в 1009 г. было создано нынешнее Венгерское королевство во главе с королями арпадской крови»); Teraz *uzavreno, nelen* uderiť na *západné a severné hranice*, no i na *južné* [Sas: 25] («Теперь было решено ударить не только по западным и северным границам, но и по южным»).

Похожая ситуация наблюдается и в конце XIX в., однако процесс их утраты продолжался, так как теперь краткие страдательные причастия в двусоставных предложениях употреблялись в предикативной функции преимущественно в предложениях с подлежащим, имеющим числовое значение. Ср. предложения из газеты «Католицке новины» за 1889–1890 гг.:

Sedem baníkov bolo usmrteno, dvaja ťažko a mnohí ľahko ranení [KN89: 104] («Семеро шахтеров погибли, двое тяжело и многие легко ранены»); *Dňa 19. júna pokrsteno v missijnej stanici Trappistov v Marianhille v Afrike 36 dietok* [KN90: 166] («19 июня в миссионерском центре траппистов в Марианхилле в Африке окрестили 36 детей»); *Dosiaľ objednano je z neho 32 výtiskov!* [KN89: 72] («До настоящего времени из него (тиража. — К. Л.) заказано 32 экземпляра»); *Lebo večnosť je len okolnosťou a nie príčinou; čas netvorí, ale len v čase býva tvoreno* [KN90: 112] («Ибо вечность — только обстоятельство, а не причина; время не создает, но только во времени что-то создается»); *Liberáli tvrdia, že je v obecných školách o náboženstvo postarano*

[KN89: 52] («Либералы утверждают, что в общеобразовательных школах религия занимает достойное место»).

Краткие страдательные причастия в форме среднего рода вопреки кодификации С. Цамбела продолжали употребляться и в 10-е годы XX в.: *Stará povest' spomína divotvornú zelinu, ktorá otvára pivnicu v zámku, v ktorej nakopeno je mnoho zlata, drahých kameňov a prevšelikých pokladov* [Osvald: 4] («В старой повести упоминается чудотворная трава, которая открывает подвал в замке, в котором накоплено много золота, драгоценных камней и самых разнообразных кладов»); *Zbroje jedovaté užívať, studne, potraviny otráviť je zakázano* [SR14: 314] («Использовать ядовитое оружие, отравлять колодцы и пищу запрещено»). Вскоре, однако, они были полностью утрачены словацким литературным языком. В чешском же литературном языке они употребляются и в настоящее время.

3. Утрата звательной формы

Ч. *dube, rybo*

С. *dube, rybo* → *dub, ryba*

В отличие от кодификации А. Бернолака звательная форма как системное явление не представлена уже в кодификации Л. Штура, который писал следующее: «Вокатив у нас, словаков, равен номинативу, однако некоторые слова имеют особую звательную форму, например: *Boh Bože, oťec oťce, chlapec chlapče, človek človeče, pán paňe, hospod'in hospod'ine*» [Štúr 1957: 190]. Тем не менее, кодификатор включает звательную форму в состав парадигм склонения существительных, что, вероятно, способствует частичному восстановлению звательного падежа как системного явления уже в «Краткой словацкой грамматике», где находим особые звательные формы большей части существительных женского (*rybo, vôňo*) и мужского (*chlape, dube, muž / muži, meču / meči*) рода. Эти формы реально употреблялись и в текстах: *Na prvý pohľad, drahý čitateľu, musí ti byť nápadným* [KN90: 11] («На первый взгляд, дорогой читатель, тебе должно бросаться в глаза»); *O milý, dobrý slávičku, volal, poďže ešte raz sem!* [KN90: 8] («О, милый, добрый соловушка, — звал он, — приди же еще раз сюда»); *Milá manželko, ty dobrá, verná dušo, teba som učinil biednou!* [KN89: 30] («Дорогая супруга, ты добрая, верная душа, тебя я сделал бедной!»).

С. Цамбел оставляет кодификацию звательной формы без изменения [Czambel 1919], однако «Правила словацкого правописания» 1931 г. фактически возвращаются к штуровской кодификации этого явления, так как приводят примеры с употреблением формы им. падежа ед. числа в функции звательной формы: *Priateľ' môj, pomôž!* [Pravidlá 1931: 78] («Друг мой, помоги!»). Такая ситуация сохраняется до настоящего времени.

4. Переосмысление структуры составных количественных числительных, обусловившее изменение их синтаксических свойств

Ч. *Dvacet jeden strom byl vykácen / Dvacet dvě břízy byly vykáceny*
 С. *Dvacat' jeden strom bol vyrúbaný / Dvacat' dve brezy byly vyrúbané* → *Dvadsaťjeden stromov bolo vyrúbané / Dvadsaťdve briez bolo vyrúbané* → *Dvadsaťjeden stromov bolo vyrúbaných / Dvadsaťdva briez bolo vyrúbaných*

В чешском и словацком литературных языках представлены два варианта обозначения составных числительных, в которых единицы предшествуют десяткам и наоборот. Первый вариант в двух языках не претерпел формальных изменений, кроме возможного снижения частотности этих форм в словацком литературном языке. Второй же вариант в словацком литературном языке пережил существенную трансформацию, но сохранился в чешском в первоначальном виде.

Кодификаторы словацкого литературного языка XIX — начала XX в. не уделяли должного внимания рассматриваемым формам, поэтому из их трудов мы получаем лишь фрагментарную информацию о них. Так, Л. Штур пишет лишь об одушевленных формах количественных числительных [Štúr 1957: 218], в «Краткой словацкой грамматике» отсутствует даже они и приводятся примеры составных количественных числительных без освещения их морфологических и синтаксических свойств, в труде С. Цамбела нет даже упоминания о составных числительных [Czambel 1902: 87–93]. Раздельное же написание типа *dvacať jeden* [Krátka 1852: 30] свидетельствует о том, что компоненты составных числительных воспринимались как разные слова.

Тексты конца XIX — начала XX в. показывают, что составные количественные числительные, содержащие компоненты *dva/dve, tri, štyri* употреблялись с существительными в форме им. падежа мн. числа. Ср. примеры:

Nebožtík na vyučovaní a vychovávaní mládeže pracoval 53 roky... [KN90: 23] («Покойный на ниве обучения и воспитания молодежи работал 53 года»); *Martin Bartoš dostal 64 palice, Juro Junáček 50 palíc, Pavel Rus 40 a Štefan Vrabec, ktorý pre svoj vysoký vek nebol by viacej vydržal, 24 palice* [Škultéty: 20] («Мартин Бартош получил 64 удара палкой, Юро Юначек 50, Павел Рус 40, а Штефан Врабец, который из-за своего почтенного возраста не смог бы выдержать больше, 24 удара»); *Napchal som si vrecká suchármí a vzal flášu vody, pretože som chcel ležať v svojej skrýši najmenej 24 hodiny* [Kľačko: 64] («Я набил себе карманы сухарями и взял бутылку воды, так как собирался лежать в своем укрытии не менее 24 часов»).

Процесс переосмысления структуры составных количественных числительных отражают «Правила словацкого правописания». Так, в «Правилах» 1931 г. зафиксирована переходная стадия в развитии этих числительных, так как десятки и единицы пишутся еще раздельно, хотя падеж зависимого существительного определяет либо числительное, обозначающее единицы, либо составное числительное в целом. При этом числительные *jeden / jedna / jedno* и *dva / dve*, входящие в его состав, изменяются по родам: *dvacať jeden človek, dvacať jedna žena, dvacať jedno dieťa; dvaciati dvaja ľudia, dvacať dve ženy, dvacať dve mestá — dvacať jeden ľudí, žien, detí; dvacať dva ľudí, stromov, žien, detí* [Pravidlá 1931: 64]. В «Правилах правописания» 1940 г. кодифицируются уже только составные количественные числительные, управляющие формами род. падежа мн. числа существительных, хотя входящие в их состав компоненты *jeden* и *dva* все еще изменяются по родам: *dvadsaťjeden vojakov, dvadsaťjedna žien, dvadsaťjedno detí, dvadsaťdva vojakov, dvadsaťdve žien, dvadsaťdve miest* [Pravidlá 1940: 100]. И только в кодификации 1953 г. составные числительные приобретают современные формы: *dvadsaťjeden vojakov, žien, detí, dvadsaťdva vojakov, žien, miest* [Pravidlá 1953: 88]. Сохранились также одушевленные формы числительных типа *dvadsiati dvaja (ľudia)*. В результате осуществившихся процессов изменения обозначения составных числительных словацкий литературный язык стал самым существенным образом отличаться от чешского, в котором сохранились исходные формы.

Одновременно изменилась синтаксическая связь числительных с глаголами и причастиями, использовавшимися в предикативной функции. Как уже говорилось ранее, первоначально употреблявшиеся в составе именной части составного сказуемого краткие причастия дольше всего сохранялись именно в формах среднего рода ед. числа. Это произошло, вероятнее всего, вследствие того, что возникала проблема синтаксической связи числительного с полным причастием. Примеры показывают, что первоначально замена происходила механически и несклоняемое краткое причастие заменялось полным страдательным причастием в форме им. падежа ед. числа: *Okrem toho malo byť na rozličných miestach nemaďarských oblastí Uhorska postavené 400 nových, tzv. milenárnych ľudových škôl s určením, aby sa v nich podporovala maďarizácia krajov Uhorska, obývaných nemaďarským obyvateľstvom* [SV46: 295] («Кроме того, в различных местах невенгерских областей Венгрии должно было быть построено 400 новых, т. наз. милекарных народных школ, предназначением которых была поддержка мадьяризации краев Венгрии, в которых проживало невенгерское население»).

Во второй половине XX в. в подобных предложениях происходит вытеснение полных страдательных причастий в форме им. падежа ед. числа формами род. падежа мн. числа, т. е. устанавливается

согласование этих причастий с формой существительных: *Viac ako 80 % bytových domov bolo postavených formou hromadnej výstavby* [Budovy: 1] («Более 80% жилых помещений было построено формой групповой застройки»).

5. Изменение в склонении существительных мужского рода, обозначающих животных

Ч. *orli, jestřábi, koni, medvědi*

С. *orli, jastrabi, koni, medvedi* → *orly, jastraby, kone, medvede*

Названия животных мужского рода в словацком литературном языке, начиная с кодификации Л. Штура, во мн. числе, как правило, склонялись как неодушевленные существительные и только иногда они «повышались» до уровня одушевленных, которые им «из милости уступали» свое окончание [Štúr 1957: 192]. Этот тезис по сути повторяется и в «Краткой словацкой грамматике» [Krátká 1852: 14]. Расшатывает ситуацию С. Цамбел, который утверждает, что по типу *král* склоняются все одушевленные существительные, например: *chlap* ‘мужчина’, *muž* ‘мужчина’, *žiak* ‘ученик’, *had* ‘змея’, *orol* ‘орел’, *medved* ‘медведь’, *lev* ‘лев’ [Czambel 1902: 38]. И хотя затем он отмечает, что в им. падеже мн. числа названия животных «не любят» принимать окончания одушевленных существительных, но приводит примеры названий животных с этими окончаниями (*vtáci* ‘птицы’, *vlci* ‘волки’, *bujaci* ‘быки’, *baranci* ‘ягнята’, *medvedi* ‘медведи’ и т. д.), что не проясняет реальную ситуацию. Авторы «Правил словацкого правописания» 1931 г. высказываются более однозначно, кодифицируя в им. и вин. падежах мн. числа, как правило, одушевленные формы названий животных: им. *hadi, orli, psi, vtáci, vlci, zajaci, medvedi, vrabci, hýli, motýli, jeleni* и т. д.; вин. (videl som) *verných psov, dravých orlov, vlkov, vrabcov, hýľov, jeleňov* и т. д. [Pravidlá 1930: 55–56]. Лишь «Правила словацкого правописания» 1940 г. возвращаются к кодификации Л. Штура, в результате чего рассматриваемые существительные вновь стали склоняться иначе, чем в чешском языке.

Система словацкого склонения и спряжения также подвергалась изменениям, которые отдаляли ее от чешской. Эти изменения были разнообразными и представляли собой появление новой парадигмы склонения, переход существительных в иной тип склонения или глаголов в иной тип спряжения, замену словоформы другой словоформой.

6. Появление новой парадигмы склонения или спряжения

Ч. *kráľovna : kráľovny*

С. *kráľovna : kráľovny / kráľovná : kráľovnej* → *kráľovná : kráľovnej*

Формы существительных, обозначающих прежде всего высокопоставленных особ женского пола (но не только), в кодификациях Л. Штура [Štúr 1957: 200] и С. Цамбела [Czambel 1902: 308] имели в им. падеже ед. числа долгое окончание, а потому и склонялись иначе, чем другие существительные женского рода. На практике же они могли склоняться аналогично последним, о чем свидетельствуют следующие примеры:

† Ján Hyacint Rónay... vychovavateľ arcikňazny Marie Valerie, muž veľmi dobročinný, zomrel v Prešporke dňa 17. apríla v 75. roku veku svojho [KN89: 71] («† Ян Гиацинт Ронаи... воспитатель архикнягини Марии Валерии, мужчина в высшей степени добропорядочный, упокоился в Прешпорке 17 апреля на 75 году своей жизни»); Osy a čmely nemajú kráľovnu doma, smyselní ľudia neznajú duchovnosť, kráľovnu svoju, bez osohu požívajú svet tento [KN89: 74] («У ос и шмелей дома нет королевы-матки, похотливые люди не знают духовности, своей королевы, они бесполезно прожигают свою жизнь»).

Приведенные формы в словацком литературном языке были кодифицированы лишь в «Правилах словацкого правописания» 1931 г., но в «Правилах» 1940 г. они уже отсутствуют. Перестали они употребляться и на практике.

7. Переход существительных в иной тип склонения и глаголов в иной класс спряжения

Ч. *drama* : *dramatu*

С. *dráma* : *drámy* / *drama* : *dramatu* → *dráma* : *drámy*

Существительные греческого происхождения, заканчивающиеся на *-ta*, в чешском литературном языке относятся к среднему роду и имеют специфическую парадигму с наращением. В словацком литературном языке конца XIX — первых десятилетий XX в. можно констатировать наличие дублетных форм, обусловленных тем, что эти существительные могли быть женского и среднего рода. В зависимости от этого в первом случае они склонялись, как и все другие существительные женского рода на *-a*, а в другом — аналогично склонению в чешском языке. Полагаем, что второй способ был достаточно распространен, поскольку С. Цамбел считает необходимым специально подчеркнуть, что их следует склонять по образцу существительных женского рода твердой разновидности: *dráma*, *drámy*, *drámou*, *flegma*, *flegmy*, *flegmou*, а не *drama*, *dramata*, *dramatom*, *flegma*, *flegmata*, *flegmatom* и т. п. [Czambel 1902: 68]. Авторы «Правил словацкого правописания» 1931 г. высказываются относительно склонения рассматриваемых существительных не столь однозначно. По их мнению, «греческие

существительные с конечным *-ma* (напр. drama) в словацком языке по большей части склоняются как существительные женского рода на *-ma*, напр. *astma*, *panogáma*, род. *astmy*, *panogámy*; некоторые книжные слова сохраняют исконный средний род и либо не склоняются, напр. *schizma*, *cirkevné schizma*, *cirkevného schizma*, либо склоняются с греческим *-mat*, напр. *staré drama*, *téma*, *starého dramata* или *dramatu* и т. д.» [Pravidlá 1931: 59]. «Правила словацкого правописания» 1940 г., однако, две последние возможности исключают: «Слова *dráma*, *téma*, *panogáma*, *graféma*, *schéma*, *schizma* и т. п. склоняются только по образцу *guaba*» [Pravidlá 1940: 83]. Подобным образом они склоняются и в настоящее время.

Ч. *brát* — *bere*, *třit* - *tře*

С. *brať* — *bere*, *treť* — *tre* → *brať* — *berie*, *triť* — *trie*

Дивергенция характеризует спряжение глаголов в настоящем времени, в частности переход некоторой части глаголов из IV класса с тематическим гласным *e* в III с тематическим гласным *ie*. Исходная ситуация, аналогичная чешскому языку, сохраняется еще в труде С. Цамбела и «Правилах словацкого правописания» 1931 г., однако в «Правилах» 1940 г. констатируется наличие в рассматриваемых формах другого тематического гласного: *brať*—*berem*, *drať*—*derem*, *prať*—*perem*, *žrať*—*žerem*, *hnať*—*ženem*, *stlať*—*stlem* [Czambel 1902: 113], *dreť* (*drem*), *mreť* (*mrem*), *vreť* (*vrem*), *treť* (*trem*), *mleť* (*melem*) [Pravidlá 1931: 66] — *triem*, *trieš*, *trie*, *trieme*, *triete*, *trú*; *mriem*, *mrieš*, *mrie*, *mrieme*, *mriete*, *mru*; *melie*, *melieš*, *melie*, *melie*, *melie*, *meliete* и т. п. [Pravidlá 1940: 103]. При этом С. Цамбел отмечает, что в среднесловацком диалекте формы указанных глаголов имеют гласный *ie*, но словацкий литературный язык отдает предпочтение формам с гласным *e* [Czambel 1902: 118]; в «Правилах» же 1940 г., напротив, последние не рекомендуются употреблять [Pravidlá 1940: 103].

Перечислим некоторые другие морфологические изменения дивергентного характера, произошедшие в словацком литературном языке:

- все прилагательные с основой на *n* перешли в твердую разновидность склонения (*noční*, *nočnia*, *nočnie* > *nočný*, *nočná*, *nočné*);
- была выведена из литературного языка флексия твор. падежа мн. числа существительных мужского и среднего рода *-y* / *-i* (*chlapu*, *muži* > *chlapmi*, *mužmi*);
- формы род. падежа мн. числа существительных среднего рода типа *biskupství* были заменены формами типа *biskupstiev*;
- закрепились в литературном языке неопределенные местоимения с частицами *da-* и *voľa-*.

Лексический состав словацкого литературного языка в XX в. также претерпел существенные изменения. Прежде всего это было связано с разработкой терминологии как уже существовавших областей знания, так и вновь возникающих. Этот процесс происходил при самом близком контакте с чешским литературным языком, из которого массово заимствовались термины. Данное явление получило программное обоснование: если в первой половине XX в. оно объяснялось тем, что чешский и словацкий являются ветвями одного чехословацкого языка, а существование двух литературных языков объясняется лишь различиями исторического, политического и культурного развития и имеет преходящий характер, то во второй половине XX в. — сближением языков в социалистическом обществе и необходимостью этого для успешного решения стоящих перед страной задач. На этом основании делался вывод о том, что чешский и словацкий литературные языки преимущественно сближаются, особенно в области лексического состава [Peciar 1973: 259].

Параллельно с этими процессами, однако, реализовались и дивергентные тенденции, которые охватывали существенные пласты лексики основного словарного фонда словацкого литературного языка. Эти тенденции реализовались в самых разнообразных формах.

1. Замена лексемы, общей с чешским языком, оригинальной словацкой лексемой

Лексемой, вытеснившей генетический богемизм, могла быть словацкая инновация. Так, в конце XIX в. в словацком литературном языке употреблялась лексема *výtisk* (чеш. *výtisk*) «экземпляр», позже вытесненное неологизмом *výtlačok*: Počujeme, že znamenitej knižočky „Od kolísky“ mnoho ešte *výtiskov* leží na sklade [KN90: 24] («Мы слышим, что еще много экземпляров известной книжки „С колыбели“ лежит на складе»). Или, к примеру, прилагательное *pilný* «старательный» было вполне регулярным в словацком литературном языке рубежа веков и даже позже: *Pilným, pozorným studiumom by si vyzpýtal, že pred prísťahovaním sa Nemcov, všetek ten slovenský ľud, od nepamäti tu pod Vysokou Tatrou obydlený, po prijatí kresťanstva slúžil Bohu dľa slovanského obradu* [KN90: 4] («Благодаря старательному и внимательному изучению ты бы узнал, что до переселения немцев весь словацкий народ, с незапамятных времен проживавший здесь, под Высокими Татрами, после принятия христианства служил Богу по славянскому обряду»). Позже оно было вытеснено прилагательным *usilovný*.

На месте генетических богемизмов могли закрепиться также исконно словацкие слова, широко распространенные в народной речи. Так, словакизированный богемизм *ľavný* «дешевый» (чеш. *levný*) (*Živým slovom máme upovedomovať ľud náš, ...obzvlášte všemožne mu*

odporúčať vstúpenie do spolku sv. Adalberta (Vojtecha), od ktorého za ľavý peniaz mnohé a dobré knižky dostať môže [KN90: 26] «Живым словом мы должны убеждать народ наш, ... особенно всячески ему рекомендовать вступить в общество св. Адалберта (Войтеха), где он может за небольшие деньги получать много хороших книжек») вытесняется прилагательным *lacný*, другое генетически чешское прилагательное *pošetilý* «бесмысленный, нелепый» (чеш. *pošetilý*) (Pri rôznych *pošetilých* obradoch, ktoré spojené sú s prijímaním do zakázaného spolku svobodných murárov, býva čakateľ so zaviazanými očami po povraze spúšťaný do „podsvetia“ [KN90: 31–32] «Во время проведения разных нелепых обрядов, которые связаны с принятием в запрещенное общество масонов, претендента с завязанными глазами спускают в „преисподнюю“») — народным словом *pochabý*; глагол *vyľúdiť* «выманить, выудить» (чеш. *vyľúdiť*) (Křčmár, úžerník stonásobným spôsobom vie jich prilákať a *vyľúdiť* od nich ten ostatný groš [KN90: 28] „Трактирщик-ростовщик сотнями способов может их завлечь и выманить у них последний грош“) — словакизмом *vydrankať*; глагол *poličkovať* «бить по лицу» (чеш. *poličkovať*) (Kto sa modlí, pri tom ale hreší, je podobný tomu, čo ústami chváli dobrodinca svojho, rukou ho ale *poličkuje* [KN90: 1] «Кто молится, но при этом грешит, подобен тому, кто устами хвалит благодетеля своего, а рукой бьет его по лицу») — глаголом *zauškováť* или сочетанием глагола и существительного *dávať zaucha*, наречие чешского происхождения *zatým* «пока» (чеш. *zatím*) (Však *zatým* zostaneš u malej, Žofia? [KN90: 31] «Ты ведь пока останешься у малой, Жофия?») — исконно словацким наречием *zatiaľ*.

Примечательно, что осознание того или иного слова как богемизма происходит постепенно. Так, в словарики лексики литературного языка С. Цамбела [Czambel 1902], призывавшего к замене богемизмов словами словацкого происхождения, находим общие с чешским языком лексемы, которые позже были вытеснены оригинальными словацкими словами: *kuľhavý* (чеш. *kulhavý*, совр. слов. *chromý* ‘хромой’), *karafiát* (чеш. *karafiát*, совр. слов. *klinček* ‘гвоздика’), *dosavád* (чеш. *dosavad*, совр. слов. *doteraz* ‘до сих пор’), *nastydnúť* (чеш. *nastydnout*, совр. слов. *prechladnúť* ‘простудиться’), *rozvstekliť* (чеш. *rozvzteklit*, совр. слов. *rozzúriť* ‘разгневать’), *pytel* (чеш. *pytel*, совр. слов. *vrece* ‘мешок’), *spozdilý* (чеш. *zpozdilý*, совр. слов. *nerozumný*, *hlúpy*, *naivný* ‘отсталый’), *slyšať* (чеш. *slyšet*, совр. слов. *počuť* ‘слышать’), *poľúbiť* / *robozkať* (чеш. *políbit*, совр. слов. *pobozkať* ‘поцеловать’), *pluť* / *plávať* (чеш. *plout*, совр. слов. *plávať* ‘плавать’) и др.

2. Замена лексемы, общей с чешским языком, заимствованной лексемой

Вытесняющая лексема могла быть заимствованной или образованной от заимствованного слова. Интересно то, что вытесняемое

слово, имеющее параллель с чешским языком, также могло быть заимствованным, причем из того же языка, что и вытесняющее. Среди вытесняющих лексем можно обнаружить:

- латинизмы: *Kde poslušnosti neni, tam zmáha sa zmätok a nekázeň* (чеш. *nekázeň*, совр. слов. *nedisciplinovanost'* «недисциплинированность») [KN90: 14] («Где отсутствует послушание, там расцветает хаос и отсутствие дисциплины»);

- германизмы: *Ale nevedla ma za ruku, a tak som zavadila* (чеш. *zavadiť* о *koho*, со, совр. слов. *natrafiť* на *koho*, čo ‘натолкнуться, зацепить’) о *kvetník*, že sa rozbil [KN90: 31] («Но она не вела меня за руку, и я наткнулась на горшок с цветком, который разбился»);

- мадьяризмы: ... *dostal som zo všetkých strán, zo všetkých kruhov, z blízka i ďaleka, z mesta i vonkova* (чеш. *venkov*, совр. слов. *vidiek* «сельская местность») *najrozmanitejšie a najdojemnejšie osvedčenia tohto súcitu* [KN89: 29] («я получил со всех сторон, со всех кругов, из близких и далеких мест, из города и из деревни самые разнообразные и самые трогательные доказательства этого сочувствия»).

С. Цамбел также включает в свой словарь богемизмы, которые впоследствии были вытеснены заимствованиями из других языков, например из латинского (*limes*, чеш. *limes*, совр. слов. *golier* «воротник») или немецкого (*mäsopest*, чеш. *masopust*, совр. слов. *fašiangy* ‘масленица’).

Интересно, что слово иностранного происхождения также могло восприниматься как богемизм. Например, прилагательное *barevný* «цветной, разноцветный» (чеш. *barevný*), образованное от существительного *barva* «цвет, краска», уступает прилагательному *farebný*, образованному от существительного *farba* — вероятнее всего, того же германизма (*die Farbe*), но в иной огласовке: *Oblečení sú v ľahučkých barevných šatách, majú zlaté krýdla na pleciah a blyščiace sa obrúčky zlaté okolo čela* [KN90: 29] («Они одеты в легонькие цветастые платья, у них золотые крылья за плечами и сверкающие ореолы вокруг чела»). Другой германизм *hrabenka* (чеш. *hraběnka*; производное от существительного *hrabě*, восходящего еще к древневерхненемеckому *grāveo*, «графиня»), вытесняется германизмом *grófka* (производное от слова *gróf*, восходящего к более позднему немецкому *der Graf*): *Dôležitú však babravú tú prácu skladania školských kníh sebe poverenú a v Pešti započatú, končil v Majcichovskej fare, ktorú obdržal od ruskej hrabanky Olgy Bezobrazov, vydanaj Eszterházy* [KN90: 66] («Важную, кропотливую работу составления школьных книг, доверенную самому себе и начатую в Пеште, он завершил в Майциховском приходе, который получил от русской графини Ольги Безобразов, по мужу Эстерхази»).

3. Выпадение лексемы из цепочки синонимов без появления замены

Вытесняемое слово могло выпадать из синонимического ряда, а взамен новое слово не появлялось. Ср. примеры: Mnohokrát si o tom podumám a predsa vysvetliť neviem, že tí, ktorí sú Bohom obdarení nadaním skvelým uspokojujú sa predsa púhym pozeraním na *svízele* (чеш. *svízel*, совр. слов. *trápenie, ťažkosti* «затруднение») a neresti ľudu svojho [KN90: 26] («Я много раз об этом думал, но все же объяснить не могу, почему те, кого Бог одарил прекрасным талантом удовлетворяются всего лишь наблюдением мук и пороков своего народа»); Môže katolícky, apoštolským duchom naplnený kňaz ľahostajne na to hľadať, jako zo srdca katolíkov mizne nevinnosť a viera *porád* (чеш. *pořád*, совр. слов. *vždy, stále, ustavične, neprestajne* «постоянно») *viacej?* [KN90: 6] («Может ли католический, наполненный апостольским духом католический священник равнодушно смотреть на то, как из сердец католиков все более исчезает невинность и вера?»); *Teprv* (чеш. *teprve*, совр. слов. *iba, len* «только») *keď sa rozodnilo, sa vrátili a dali sa pri dobrej myšli do práce* [KN90: 41] («Только когда рассвело, они вернулись и взялись с благими намерениями за работу»).

4. Изменение семантики или сочетаемости слова

Тенденция к дивергенции лексического состава словацкого и чешского литературных языков могла реализоваться путем утраты словацким языком одного из значений слова или изменения его сочетаемости. Так, например, в современном словацком литературном языке глагол *čítať*, в отличие от своего чешского коррелята *čítat*, не употребляется в значении «насчитывать», т.е. он был вытеснен глаголом *mať*, тогда как в конце XIX в. употребление в этом значении было возможно: *Keď daktory úd Katolickej Národnej Jednoty umre, dokud' Jednota 400 údov nečíta, dedičovia zomrelého úda dostanú od Jednoty toľko dollarov, koľko údov číta Jednota* [KN90: 29] («Если какой-нибудь член Католического Национального Объединения умрет и если Объединение насчитывает менее 400 членов, наследники получают от Объединения столько долларов, сколько членов насчитывает Объединение»). Прилагательное *vznetlivý* (чеш. *vznětlivý*) в современном словацком литературном языке употребляется только по отношению к материалам («легковоспламеняющийся»), тогда как ранее, как и в чешском языке, оно могло употребляться и по отношению к людям («вспыльчивый»): *Určité kraje na Slovensku sa vyznamenávajú vznetlivou mládežou, ale ďaleko nie tak ako celé krajiny na severozápade Európy* [SV44: 238] («Отдельные области Словакии отличаются вспыльчивой молодежью, но совсем не

в такой степени, как целые страны на северо-западе Европы»). В настоящее время в этом значении употребляются прилагательные *prchký* и *popudivý*.

Иногда лексемы чешского происхождения все еще продолжают входить в лексический состав словацкого литературного языка, однако их употребление ограничено стилистической маркированностью. Так, глагол *vykúzlit* ‘создать колдовством/по волшебству’ (чеш. *vykouzlit*) в современном словацком литературном языке квалифицируется как книжный, тогда как нейтральным глаголом с тождественным лексическим значением является глагол *vyčariť*. Или, например, существительное *bázeň* (чеш. *bázeň*) в настоящее время в словацком литературном языке употребляется лишь в устойчивых сочетаниях типа *žiť v bázni božej* ‘жить богобоязненно’, *rytier bez bázne a hany* ‘рыцарь без страха и упрека’, тогда как еще в 40-е годы XX в. оно употреблялось в свободных сочетаниях, как и в чешском языке: *Kým Spengler hovorí ako chladný učenc o biologickej podstate človeka a odhaľuje bez bázne a strachu animálnu stránku človeka, vyslovuje Nitzsche normatívne zásady, ktorými sa človek môže stať nadčlovekom a hrdinom* [KN90: 109] («В то время как Шпенглер холодно по-научному рассуждает о биологической сущности человека и раскрывает посредством боязни и страхов его животную сторону, Нитцше высказывает нормативные принципы, благодаря которым человек может стать сверхчеловеком и героем»).

5. Изменение словообразовательной модели

Тенденция к дивергенции лексического состава словацкого и чешского литературных языков была тесно связана с дивергенцией рассматриваемых языков на словообразовательном уровне. Здесь мы также обнаруживаем множество примеров асимметричных изменений, осуществившихся в словацком литературном языке. При этом данные изменения могли затрагивать как целый словообразовательный тип, так и быть уникальными, характерными лишь для отдельных лексем. Подчеркнем также то, что вследствие этого процесса не заполнялись лакуны в словацком литературном языке, а видоизменение затрагивало пласты лексики, которые уже долгое время в нем существовали.

Наиболее значительным изменениям подверглись следующие словообразовательные типы:

- *javište* (чеш. *jeviště*) > *javisko* ‘сцена’: *A spisovateľ „Rozkola“ ako by práve zakryval pomery, otáčavšie javište, na ktorom od konca 18. stoletia hýbali sa Slováci, oduševňovaní láskou k svojmu národu* [Škultéty 1920: 76] («И автор „Раскола“ как бы скрывает отношения, поворачивавшие сцену, на которой с конца XVIII века действовали словаки, одухотворенные любовью к своему народу»);

• *zachovalý* (чеш. *zachovalý*) > *zachovaný* ‘сохранившийся’, *ospalý* (чеш. *ospalý*) > *ospanlivý* ‘заспанный’: *Takýchto lepšie zachovalých hrobiek „columbaria“ menovaných jesto viacej v Ríme... [KN89: 18]* («Таких хорошо сохранившихся погребений, названных „колумбариями“, в Риме много...»); *Dobre činiš tak, milý kresťane, len však pamätaj na slová Pána a Spasiteľa nášeho Ježiša Krista, ktoré povedal k ospalým apoštolom... [KN90: 1]* («Ты хорошо поступаешь, дорогой христианин, только лишь помни о словах Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, который обратился к заспанным апостолам...»). В XX в. активно протекал процесс утраты отглагольных прилагательных с суффиксом *-l-* прилагательными с иными суффиксами;

• *miláček* : *miláčka* (чеш. *miláček* : *miláčka*) > *miláčik* : *miláčka* > *miláčik* : *miláčika* ‘любимчик’.

Вытеснение формы уменьшительных существительных мужского рода с суффиксом *-ček-* — аналогичным соответствующим чешским, в им. падеже ед. числа (у неодушевленных также в вин. падеже ед. числа) и в других формах не совпадало во времени, поскольку в им. падеже это произошло раньше. Вследствие этого в словацком литературном языке временно произошла контаминация двух парадигм и появилось беглое *i*. Процесс вытеснения первоначальной формы продолжается и в настоящее время; см. подробно в [Лифанов 2005б].

В «Правилах словацкого правописания» 1953 г. у большей части рассматриваемых существительных были узаконены форма им. падежа ед. числа с суффиксом *-čik-* и дублетные формы в остальных падежах. В выполняющем функцию кодификационного труда «Кратком словаре словацкого языка» 1987 г. [Krátky 1987] значительная часть этих существительных имеет уже только формы без выпадения гласного *i*.

• *vášnive* (чеш. *vášnive*) > *vášnivo* ‘страстно’

Активному вытеснению подвергались также наречия с суффиксом *e* (*Články také, jaké hlásal a vášnive zastával Ján Hus, rovno čelia proti učení a proti zriadeniu sv. Cirkve, áno ohrožujú poriadok a pokoj spoločnosti a smerujú na jej rozpad... [KN90: 14]* «Догмы, которые проповедовал и яростно отстаивал Ян Гус, направленные непосредственно против учения и организации св. Церкви, также угрожали порядку и спокойствию общества и были направлены на его распад») наречиями с суффиксом *o*.

Изменения в области словообразования дивергентного характера были весьма разнообразными и охватывали как группы слов, так и единичные лексемы (см. подробнее в [Lifanov 2017]).

6. Изменение фонетического облика лексемы

Дивергенции чешского и словацкого литературных языков способствовало изменение фонетического облика слов в последнем,

обусловленное разными причинами. Прежде всего это было связано с закреплением в нем мягкого *ř*, отсутствующего в чешском литературном языке, и точным разграничением сферы его функционирования. В конце XIX в. оно фиксировалось довольно хаотично, в частности отсутствуя в тех лексемах, в которых оно должно было быть этимологически представлено: *Staroslavná Turna, čili Sobotín, u riečky Trnávky od pamäti rozložená, pôsobí na mysel* (чеш. *mysel*, совр. слов. *mysel* 'мысль') *žiacku čarovne* [KN90: 47] («Стародавняя Тирна, или Сobotин, с незапамятных времен расположенная у речки Трнавки, волшебным образом воздействует на мысль ученика»); *Mesto New-York v Severnej Amerike má 80 katolíckých kostolov, v ktorých každú nedelu* (чеш. *nedele*, совр. слов. *nedela* 'воскресенье') *slúži sa 392 mši sv.* [KN90: 32] («В городе Нью-Йорке в Северной Америке находятся 80 католических костелов, в которых каждое воскресенье служат 392 мессы»); *Redaktor Palárik, jehož pera práce inde oceňujeme, hlásal mužne: „Rečou sa ľud učí, šlechtí, vzdelávajú jeho mravy, — jazyk jeho je kľúč* (чеш. *klíč*, совр. слов. *klíč* 'ключ') *zlatý, ktorým sa mu zámok svatý — otvára osvetu a slávu...»* [KN90: 52] («Редактор Паларик, чьи работы мы оцениваем в другом месте, мужественно провозглашал: „С помощью речи народ учится, облагораживается, возвышаются его нравы, — язык его является золотым ключом, которым открывается святой замок просвещения и славы...“»).

Кроме того, изменения затронули отдельные лексемы, которые ранее содержали чешские, а не словацкие рефлексy различныx процессов: *Pálenku, ktorá len dráždi a rozpaľuje krev* (чеш. *krev*, совр. слов. *krv* 'кровь'), *neobčerstvuje, ale tupí i ducha i telo, odmrští od seba, aby ti nesožierala ani ducha ani telo ani majetok, a pripravíš si lepší rok* [KN90: 2] («Паленку, которая лишь раздражает и расжигает кровь, не освежает, а притушает и дух, и тело, отбрось от себя, чтобы она не сожрала ни дух, ни тело, ни имущество, и настанут для тебя лучшие времена»); *Je pravda, že nie ste pustevníci, aby ste boli ustavične odlúčení od sveta, ale máte prirodzenú túhu po spoločnosti* (чеш. *společnost*, совр. слов. *spoločnosť* 'общество') *a po vyrazení ducha... [KN90: 2]* («Правда, что вы не отшельники, чтобы быть постоянно удаленными от мира, в вас есть естественное стремление к обществу и к выражению духа...»); *Na rozkoše a nádheru vyhadzujú i ten posledný groš, ktorý by mali pre nejistú* (чеш. *nejistý*, совр. слов. *neistý* 'неопределенный') *budúcnosť odložiť* [KN90: 2] («На наслаждение и роскошь они выбрасывают последнюю копейку, которую нужно было бы отложить на неопределенное будущее»). Дивергенция также находила реализацию в изменении количества гласного, при его сохранении в чешском: *Ludkovia, pomyslíte si, ona hovorila s mŕtvym* (чеш. *mŕtvý*, совр. слов. *mŕtvý* 'мертвый')... [KN90: 15] («Люди, подумайте, она говорила с мертвым...»); *Nové slavnosti* (чеш.

slavnost, совр. слов. *slávnosť* „торжество“) *blahorečenia odbyvať sa budú v Ríme* [KN90: 8] («Новые торжества благословения будут проходить в Риме»); ...*každý osvedčenejší Slovák rád užíval pravopis český, ovšem nie bez odchýliek* (чеш. *odchýlka*, совр. слов. *odchýlka* ‘отклонение’) *k vôli ľubozvučnej slovenčine* [KN90: 45] («...каждый более менее образованный словак любил использовать чешское правописание, хотя и не без отклонений из-за благозвучности словацкого языка»).

Проанализированный языковой материал явственно свидетельствует о том, что на протяжении XX в. в словацком литературном языке активно действовали тенденции, которые отдаляли его от чешского литературного языка. Эти тенденции были следствием тесного языкового контакта между этими языками, т. е. дивергенция была явлением вторичным, реакцией на явления конвергентного характера. Асимметричная дивергенция охватила все языковые уровни, но наиболее интенсивно она реализовалась на морфологическом, словообразовательном и лексическом уровнях и сыграла важнейшую роль в истории словацкого литературного языка, так как она препятствовала такому сближению чешского и словацкого литературных языков, при котором мог произойти языковой сдвиг, т. е. поглощение словацкого литературного языка чешским.

Литература

- Лифанов 2005а — *Лифанов К. В.* Деепричастные и причастные формы в словацком литературном языке конца XVIII–XX вв. // *Scando-Slavica* 51, 2005. С. 13–30.
- Лифанов 2005б — *Лифанов К. В.* Взаимодействие словацкой письменной традиции с народной речью (на примере деминутивов на -ček, -čok, -čik) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 50, 2005. С. 85–98.
- Лифанов 2015 — *Лифанов К. В.* Кодификация С. Цамбела как рубеж в развитии словацкого литературного языка // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга II. М., 2015. С. 338–353.
- Budovy — *Budovy pre budúcnosť*. <https://www.bpb.sk/navrh-opatreni-pre-verejne-politiky-v-oblasti-byvania/>, доступ 16.07.2017.
- Czambel 1902 — *Czambel S.* *Rukoväť spisovnej reči slovenskej*. Turč. Sv. Martin, 1902.
- Czambel 1903 — *Czambel S.* *Slováci a ich reč*. V Budapešti, 1903.
- Czambel 1919 — *Czambel S.* *Rukoväť spisovnej reči slovenskej*. 3. vydanie. Turč. Sv. Martin, 1919.
- Isačenko 1951–52 — *Isačenko A. V.* O prechodníkoch v slovenčine // *Slovenská reč*. XVII. Č. 1–2. 1951–1952. S. 4–14.
- Kľačko — *Zajajickij S.* *Rozprávky starého námorníka*. Preložil Rudolf Kľačko. Turč. Sv. Martin, 1932.
- KN89 — *Katolícké noviny*. Trnava, 1889.

- KN90 — Katolícké noviny. Trnava, 1890.
- Krátka 1852 — Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku, 1852.
- Krátky 1987 — Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1987.
- Lifanov 2017 — *Lifanov K.* Asymetrická divergencia spisovnej slovenčiny a spisovnej češtiny na slovotvornej rovine // *Slovo a slovesnosť*. 78. Č. 4. 2017. S. 305–321.
- Ondrus 1964 — *Ondrus P.* Morfológia spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1964.
- Osvald — *Gierlová E.* Kvety s križa. Slovensky podáva Fr. Rich. Osvald, dekan-farár, censor deices. Trnava, 1910.
- Peciar 1973 — *Peciar Š.* O jazykových kontaktoch // *Slovenská reč*. 38. Č. 4. 1973. S. 257–264.
- Pravidlá 1931 — Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom. Praha, 1931.
- Pravidlá 1940 — Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Turč. Sv. Martin, 1940.
- Pravidlá 1953 — Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným a gramatickým slovníkom. Bratislava, 1953.
- Ružička 1956 — *Ružička J.* O používaní prechodníkov // *Slovenská reč*. XXI. Č. 5. 1956. S. 282–293.
- Sas — *Sasinek F. V.* Dejiny kráľovstva uhorského. Diel I. V Banskej Bystrici, 1869.
- SR14 — Svätá rodina. V Liptovskom Sv. Mikuláši, 1914.
- SV44 — Slovenská vlastiveda. Zväzok III. Turčiansky Sv. Martin, 1944.
- SV46 — Slovenská vlastiveda. Zväzok IV, Dejiny. Turč. Sv. Martin, 1946.
- Škultéty — *Škultéty J.* Sto dvadsaťpäť rokov zo slovenského života. 1790–1914. Odpoveď na knihu Dr. Milana Hodžu, nazvanú «ČESKOSLOVENSKÝ ROZKOL». V Turčianskom Sv. Martine, 1920.
- Štúr 1957 — *Štúr L.* Náuka reči slovenskej // *Štúr L.* Slovenčina naša. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Bratislava, 1957. S. 153–253.
- Weinreich 1953 — *Weinreich U.* Languages in Contact: Findings and Problems. New York, 1953.